

Франция наряду с Аргентиной является страной, где фрейдизм прижился более всего. После долгого сопротивления идеям психоанализа она стала, благодаря таким именам, как Жак Лакан, Серж Леклер и Франсуаза Дольто, настоящей «terra freudiana». Таковой Франция остается и поныне, в то время как в других странах психоанализ неумолимо движется к своему закату, являясь сегодня лишь одной из многих врачебных практик, порой очень маргинальной, знакомство с которой происходит на филологических или философских, а не на медицинских или психологических факультетах. Еще сегодня психоаналитики широко представлены в сфере психического здоровья: как в университетах, так и в больницах. Они частые гости медиа. Их активность привела к тому, что в начале 2005 года министр здравоохранения Филипп Дуст-Блази подверг критике и цензуре доклад, составленный по просьбе ассоциации пациентов и профинансированный его предшественником, просто потому, что в этом докладе делается вывод о слабой терапевтической эффективности психоанализа в сравнении с другими видами психотерапии¹. Министр объявил ассамблее психоаналитиков, что они больше никогда не услышат о докладе INSERM'a и что последний изымается из министерского обращения. Будучи на седьмом небе от счастья, зять Лакана Жак-Ален Миллер назвал этот акт правительственного произвола волшебной сказкой. Директор больницы Сантэ нашел историю не такой забавной и подал в отставку. Но министр знал, кому угрожал, а именно – тысячам (по разным оценкам их число колеблется от 8 до 14 тысяч) французским психоаналитикам. И эта ситуация – уникальная в мире.

¹ INSERM. Psychothérapie. Trois approches évaluées. – Paris: INSERM, 2004.

ЖАН КОТТРО

Хроника одного поколения:

как психоанализ захватил власть во Франции

Воспоминания записываются на песке времени. И это свидетельство, как любое другое, будет субъективным. Однако я попытаюсь подкрепить его некоторыми документами, которые являются устойчивыми вехами не прекращающей своего хода истории.

Воспоминания о другой Франции

История эта берет свое начало в 1967 году. В те времена, когда у власти стоял Шарль де Голль, Франция процветала: почти не было безработицы, не было ни цветного телевидения, ни горящих машин на окраинах, ни радаров, караулящих правонарушителей, ни реалити-шоу, ни мобильных телефонов, ни сетевой продажи всего и вся. Каждому полагалось знать свое место. Король презирал Двор, о котором «*Le Canard Enchaîné*»¹ каждую неделю старательно сообщал новости, свободные от шума и ярости. Двор презирал Город, который, в свою очередь, презирал Провинцию. К психоаналитикам обращались редко: стеснялись, ибо это было признаком слабости. Да и сами терапевты не часто мелькали по телевизору: это было неприлично. Все взгляды были обращены к Лондону, который был Меккой культурного возрождения. «Битлз» были популярнее Иисуса Христа, ставшего, впрочем, суперзвездой известного мюзикла. Микеланджело Антониони заканчивал в этом городе съемки самого популярного из всех модных фильмов, «*Blow up*»: историю одного фотографа, случайно, не желая того, запечатлевшего на снимках убийство. Новшество этой деконструкции взгляда было встречено бурным одобрением интеллектуалов, следовавших идеям Мишеля Фуко; другие же уви-

¹ *Le Canard enchaîné* (букв.: утка в цепях) — французская сатирическая газета-еженедельник о политике, одно из старейших, популярнейших и влиятельнейших изданий во Франции. Основана в 1915 году. — *Прим. перев.*

дели в фильме лишь эротический очерк о новых цветах моды на *Карнаби стрит* и поп-музыке. Начиная с «французской новой волны» в кино, все должно было быть новым: роман, кухня, левые, правые, музыка, отцы, дети и даже Святой Дух. На самом же деле ничего не менялось, за исключением длины волос и покроя штанов, которые в это время носили расширенными книзу. Короче, царила смертельная скука.

Психоанализ вытесняет психиатрию

Именно в такой обстановке психоанализ начал свое победоносное шествие по Франции. Я к тому времени окончил службу в армии, и моя стажировка в университетской больнице Лиона позволяла мне выбрать любую специализацию. Нейрохирургия? Для этого я был недостаточно ловким. Неврология? Очень интересно и перспективно. Но почему бы не заняться психиатрией? Она была достаточно малоизученной областью, чем-то вроде медицинского Дикого Запада, открытой новым веяниям. Я отказался от строгости неврологии, которую изучил все же достаточно глубоко, во имя более близкого личного контакта с пациентами и обратился к психиатрии, не имея на ее счет никаких предубеждений и не обладая никакими специальными знаниями. Что касается контактов с пациентами, то их оказалось больше, чем я мог вообразить. Едва переступив порог психиатрической больницы в Винатье, я убедился, что психиатрия является чем-то особенным, чем-то наподобие священства. Нельзя лечить других, не вылечившись самому. Имелась униформа: вельветовый костюм. Из всех способов лечения признавался только один: психоанализ. Поэтому, чтобы им заниматься, нужно было в него верить и пронести его через всю жизнь. Поступать по-другому значило кривить душой, давать какие-либо другие объяснения значило сопротивляться истине. Любое обсуждение значимости «Евангелия от Фрейда» зарождало подозрение в глубокой реакционности. Те, кто в силу своего упрямства высоко ценил и другие способы лечения, рисковал так и остаться заложником фармакологии. Итак, свое 25-летие я встречал в стенах, уже пропитавшихся психоаналитической философией. Многие интерны занялись собственным анализом в начале своей учебы на медицинском факультете, и им, в связи с этим, уже предопределено было стать психиатрами. С их помощью и благодаря примеру, который они давали остальным, Церковь психоанализа была на пути к покорению Государства психиатрии. И действительно, тот факт, что человек прошел или проходит курс психоанализа, давал право на корню пресекать любую аргументацию: «Я могу говорить, я прошел психоанализ». Затем следовала глубокая интерпретация сопротивления оппонента. Почти все преподаватели или заведующие психиатрическими стационарами вне зависимости от возраста были практикующими психоаналитиками, либо уже прошли, либо проходили психоанализ. И это позволяло им слушать других с лукавой и отстраненной улыбкой людей, хоро-

шо осведомленных о скрытых мотивах собеседников. Все, кто работал в психиатрических больницах, знают, что собрания врачей часто прерывают пациенты, которые неожиданно открывают дверь. Раньше говорили, что пациентам не терпится узнать, о чем говорят врачи, или что они беспокоились по поводу заговора, мерещившегося им в их безумных видениях. С наступлением эры психоанализа бонтон обязывал говорить: «У пациента фантазмы первичной сцены, он хочет знать, чем занимаются родители в спальне». К сожалению, подобная типичная интерпретация проблемы не позволила ни одному пациенту покинуть клинику, хотя она и создавала иллюзию понимания ситуации и контроля над ней. Я научился говорить на языке психоанализа не хуже других. Важнейшим моментом для больницы было представление пациентов двум заслуженным психоаналитикам: Жану Бержере и Жану Калье. Они организовывали шоу, которое сами называли «номер с чечеткой». Каждую неделю во время ненаправленной беседы мы должны были публично представлять пациента или пациентку. Затем в уютной обстановке безо всякой субординации и чинов следовала беседа аудитории с обоими специалистами, всегда любезными и красноречивыми.

Этот великолепный спектакль был лекарством от ползучей хандры молодых психоаналитиков, которые работали с хроническими больными. Больничные будни были серыми, часто тяжелыми, иногда озарялись вспышками буйства. Очевидной была асоциализация пациентов. Каждый день надо было выполнять работу врача, прописывающего лекарства, руководить трудными группами и, в особенности, пытаться проводить направленную социальную терапию, способствующую реабилитации пациентов, разбитых болезнью или отвергавших всё. Существовало лишь одно средство против этой суровой реальности: психоанализ, который всё объяснял и «должен был применяться ко всем, начиная с самих врачей».

Вообще-то психоанализ был неприменим к психотикам, а также к большинству других пациентов больницы. Зато в жизни врачей он занимал очень большое место. Однако тот факт, что доктора, психологи и некоторые санитары посещали сеансы психоанализа, приводил к тому, что очень часто их место работы пустовало. Надо хорошо понимать, что психоанализ занимает, по крайней мере, восемь часов в неделю (четыре часа плюс четыре часа на дорогу, в лучшем случае), многие врачи ездили на сеансы психоанализа в Париж или Женеву, что отнимало еще больше рабочего времени, которое часто бывало очень трудно отработать. Стоимость сеанса обязывала пациентов искать подработки, на что также уходило немало времени и сил. Среди молодых специалистов по психоанализу я знал много пар, в которых только один мог позволить себе оплатить сеанс психоанализа: решение, кто отправится первым, становилось настоящим яблоком раздора.

К тому же те, кто проходил курс психоанализа, должны были мыслить в строго ориентированном направлении и читать узкоспециальную лите-

ратуру, что приводило к значительному снижению компетентности в других сферах лечения: фармакологии, биологии, групповой или семейной терапии, любой другой форме психотерапии. К положительным сторонам данной ситуации можно было отнести то, что психоанализ служил идеальным средством, наполняющим разочарованных психоаналитиков самоуважением и позволяющим им заниматься практической социальной психиатрией, развивать посреднические структуры, такие как центры постстационарного наблюдения или специализированные диспансеры, ставшие сегодня «центрами медико-психологической реабилитации». Но подобная социальная практика имела лишь отдаленное отношение к терапии на кушетке. После года преданного исполнения «номера с чечеткой» у нас появилась возможность приступить к теоретическому курсу, отлично подготовленному обоими нашими наставниками. После чего они любезно нам заметили, что нужно принимать «окончательное решение» в отношении нашего собственного дидактического психоанализа, если мы действительно хотим однажды вступить в клан. Слова «Ищите свое призвание психоаналитика на кушетке» звучали как ультиматум. И после двух лет в таком духе мы были уверены в их правоте.

Невероятный взлет психоанализа во Франции после 1968 года

Май 1968 прогремел как гром среди ясного неба над больницами и университетами. Он ознаменовался попыткой психоаналитиков занять главенствующее место в университетской психиатрии. Это было время импровизированных собраний, где лоббисты от различных движений манипулировали студентами в собственных интересах. Психоаналитики тоже не остались в долгу. У них были все шансы на успех, потому что психоанализ воспринимался как практика протеста, и среди лидеров студенческого движения у него имелось немало поклонников. В Лионе предпринимались попытки основать некий эфемерный колледж психиатрии. С заговорщическим видом психоаналитики уже распределяли в нем кафедры падших властелинов. Речь шла, безусловно, об «особо заслуженных» психоаналитиках, то есть о психоаналитиках-дидахтах, — тех, кого Лакан в своих *Écrits* называл «обретшие блаженство» (*Béatitudes*). Они-то в себе не сомневались, и это позволяло им оспаривать значимость других. В это время психоаналитик-дидакт был как епископ и щедро раздавал освященную воду со Двора, стараясь наилучшим образом удовлетворить свои интересы. Наблюдать за всем этим было тем более забавно, что психоаналитики пользовались поддержкой левых, хотя сами были скорее правыми. Неважно. Искусство использовать обстоятельства в своих целях свидетельствовало о явном наличии у них политического чутья и социальной компетенции, полученной в ходе интриг, обычных в их среде.

На одном из национальных собраний с участием психоаналитиков и университетских преподавателей-нейропсихиатров тон стал таким

резким, что один из известных парижских «блаженных» во всеуслышание сделал резкий выпад в сторону почтенных профессоров, обратившись к публике с вопросом: «Вы бы обратились за помощью к этим людям?» В Париже студенты забросали грязью кабинет Жана Дэле, который вместе с Пьером Дэникером открыл ларгактил². Это повлекло за собой бегство этого крупного клинициста в литературу. Франция получила еще одного писателя, но потеряла очень талантливого ученого. А несколько недель спустя после того, что де Голль называл карнавалом, каждый «вернулся к своей машине», как пел Клод Нугаро.

События мая 1968 года привели к тому, что психиатрия была отделена от неврологии, и это было шагом вперед. Но разделение это было сделано во имя психоанализа. Для министра народного образования Эдгара Форы и его советника (а по совместительству, дочери), психоаналитика Сильви Форы, а также для очень многих людей обе дисциплины были связаны. Психиатрия высвобождалась из тисков неврологии, чтобы стать на более зыбкий путь — под знамена психоанализа. Почувствовав, что ураган прошел, новые профессора-психиатры принялись обхаживать психоаналитиков, раздавая им кафедры, должности ассоциированных преподавателей или доверяя проведение семинаров по подготовке диплома по психиатрии. Они предоставляли им также огромную сферу влияния: возможность пропитать молодые умы своими принципами. Те же, у кого от этого спора остались горькие воспоминания, обратились к биологической психиатрии, эпидемиологии и поведенческой терапии. С одной стороны, они следовали более научной концепции своей дисциплины, сравнимой с тем, чем уже около 10 лет занимались в англосаксонских странах. С другой, они разделяли и более эффективно властвовали, натравливая друг на друга соперничающие фракции. Всё, естественно, было скрыто под маской консенсуального дискурса. В каждой диссертации и даже самой маленькой статье обязательным было сослаться на фрейдизм, причем в самых хвалебных выражениях. Функция льстеца в эпоху культа личности не подразумевает ничего сложного, если сравнить ее с настоящей исследовательской работой. В многочисленных университетах даже самые ловкие психоаналитики не смогли пристроиться в уютное гнездышко университетской психиатрии. Они вынуждены были довольствоваться факультетами психологии. Там они сумели навязать простое уравнение: психоанализ — это клиническая психология плюс психопатология. Без него никуда. Между прочим, пациентов для сеансов психоанализа они набирали прямо из своих студентов. Нужно знать, что профессор психологии зарабатывает значительно (иногда вдвое) меньше, чем профессор медицины или практикующий врач. Практикующие университетские психоаналитики

² Нейролептик, оказывающий выраженное антипсихотическое действие. Купирует психомоторное возбуждение, уменьшает психотический страх, агрессивность, редуцирует психомоторную заторможенность. — *Прим перев.*

и особенно психологи не заинтересованы в том, чтобы в их окружении под влиянием новейших исследований менялись убеждения, ибо большую часть доходов (наличными, естественно) они получают благодаря психоанализу, ярыми пропагандистами которого являются.

Но самым главным обретением психоанализа вследствие событий мая 1968 года стал выход на передний план лакановской школы. В 1963 году Лакан покинул Международную психоаналитическую ассоциацию и основал своего рода еретическую «галликанскую» школу психоанализа, выступающую против существующего в психоанализе порядка. Прежде он был в тени. Май 1968 года позволил ему взять реванш. Бывшие левые, подавленные поражением своего движения, бросились без оглядки в лакановский психоанализ, считавшийся более левым, чем психоанализ классический. Нужно сказать, что Лакан воспользовался крупным промахом парижских психоаналитиков. Двое из них, скрываясь под псевдонимом Андре Стефан опубликовали в 1969 году книгу под названием «*Протестующая вселенная*»³, в которой, помимо прочего, утверждалось, что майские волнения 1968 года были ничем иным, как действием анального импульса его участников. Авторы этой книги выражались примерно так же, только с меньшей долей образности, как генерал де Голль с его «карнавалом». Ниже следует отрывок из этой книги, который, как кажется, был написан под влиянием идей Сальвадора Дали, ибо здесь анальность становится «космической».

Космическая анальность мая 1968 года

В Библии, в Книге Бытия, говорится, что человек сотворен, чтобы «наполнять землю и обладать ею», причем слово «обладать», «posséder» (possedere = s'asseoir dessus), обозначая одну из основных функций анальности, соответствует в самом точном смысле слова анальной деятельности ребенка. В то же время мы знаем, что животные, чтобы пометить свою *территорию* (свой мир), используют тот же экскрементный метод. Поэтому события Мая, бесспорно, невольно наводят на мысль об этой космической анальности. Непрерывное производство афиш, пачканье улиц, стен, изобилие лозунгов, сплошной словесный поток, оглушающий шум, вся эта литература манифестов, листовок, брошюр и т.д. — всё это намного превышает необходимое для такого же эффекта. Всё это, как нам кажется, соответствует экскрементному характеру овладения. Метод, описанный нами, явно позаимствован из китайской культурной революции, но естественность, с которой он был принят и распространен, служит доказательством того, что он соответствует структурному ядру, общему для протестующих всего мира⁴.

³ Stéphane A. L'Univers contestationnaire. Étude psychanalytique. — Paris: Payot, 1969. [Название книги отсылает к знаменитой «*Концентрационной вселенной*» Давида Русса 1946 г. — Прим. ред.]

⁴ Ibid. 258–259.

Вследствие этой блестящей интерпретации Парижское психоаналитическое общество заработало у молодых психоаналитиков репутацию старомодного и бездарного. Некоторые из них покинули классические кушетки, чтобы расположиться на лакановских. Лаканизм тогда находился в зените славы. Благодаря усилиям самого Учителя в Высшей нормальной школе, Сержа Леклера в Нантере и на телевидении и Франсуази Дольто на радио Франция потихоньку пропитывалась лаканизмом. Никто не избежал воздействия этого харизматичного трио, проповедующего французский психоанализ, помпезный стиль которого был явно позаимствован у классических французских писателей-католиков, замысловатые обороты — у поэтов-символистов, а острое чувство провокации — у сюрреалистов, к которым Лакан примыкал в молодости. Всё было представлено в виде абстрактных рассуждений, от лингвистических до математических, сдобренных отголосками прочитанного в «Евангелиях от Фрейда». Короче, все было очень заманчиво. Эти псалмы расплозились по филологическим и гуманитарным факультетам. Многие преподаватели брали вторую специальность — психоаналитика лакановской школы, и так же, как их коллеги психиатры или психологи, по экономическим соображениям были заинтересованы в долгом и счастливом существовании аналитической идеологии. Таким образом, к 2000 году был достигнут рекорд по численности психоаналитиков-лаканистов: более трех тысяч против примерно семиста «классических» психоаналитиков. Казалось немыслимым впредь написать диссертацию по философии, не «лаканизируя». Преподавание английского языка в университете не обходилось без лакановской интерпретации Джеймса Джойса. В диссертации о Селине важное место должно было отводиться рассуждениям о «пустом означающем зеркально-бесконечного высказывания о производстве высказывания». Реклама вдохновлялась «диалектикой желания». В фундаментальном труде по информатике содержалась отсылка к «цепи означающих». Нормальный политический дискурс не обходился без слов о том, что «желания захвачены Воображаемым». Франция, дотоле пропитанная религиозным сознанием, готовилась пропитаться психоанализом.

Посетители

Лион потихоньку шел в заданном направлении. Лаканисты и классики противостояли здесь друг другу достаточно вяло. Психоаналитики доминировали на филологическом и психологическом факультетах. Психиатры же любили эклектику, сопрягая биологического коня с трепетной ланью психоанализа.

В 1967 году Лион принял Жака Лакана, который прочитал там доклад «Место, происхождение и цель моего преподавания»⁵. Лакан прибыл на вокзал Перраш настоящей знаменитостью, медленно вынул из жилетного кармана монетку, протянул ее носильщику со словами «Держите, любезный», и направился в комитет по встрече, которым руководил Жиль Делёз, в то время преподаватель философии на гуманитарном факультете. Он горячо встретил Лакана, сказав: «Ах, дорогой учитель, Вы даже не знаете, как важен Ваш приезд в Лион». «Знаю, знаю...», — с достоинством отвечивал Лакан. Стоя за столом, он произнес длинный монолог, большей частью импровизированный. Ниспосланный провидением магнитофон увековечил звуковую дорожку спектакля, вскоре опубликованную. Далее следуют некоторые выдержки из длинной цепи означающих, которую Учитель извлек из ларца своего бессознательного, чтобы развернуть ее под восхищенные взгляды присутствующих.

Лакановское означающее

«На первый взгляд, психоанализ — это что такое? Только лишь терапия, лекарство, пластырь, чудодейственный порошок? В общем, всё то, что лечит. Почему бы и нет? И всё же психоанализ — это совсем не это. Впрочем, следует признать, что если бы он был этим, то возник бы вопрос, почему мы обращаемся именно к нему, ибо из всех пластырей этот самый невыносимый».

«Психоанализ, он всегда вот тут: в отличной форме, несмотря на все сплетни, что ходят про него. И вокруг него существует даже ореол особенного величия, если подумать о том, что из себя представляют требования научного сознания».

«Иногда случается, что пациенты выражаются очень хитроумно — это они произносят слова самого Лакана; но только если бы сначала не послушали Лакана, то мы бы не стали слушать и пациента, а сказали бы: а, это опять псих несет свою чепуху».

«„Его сексуальная жизнь“ (sa vie sexuelle)... — это выражение следовало бы писать по-другому. Вообще я очень вам советую проделывать такое упражнение: пробовать изменить способ написания: например, *ça visse sexuelle*. Вот чем мы занимаемся».

«При этом доходит до того, что женщина придумывает себе фаллос, который называется „востребованный фаллос“, фаллос пениса... Единствен-

⁵ *Lacan J.* Place, origine et fin de mon enseignement (1967). Document dactylographié d'après un enregistrement. Bulletin de liaison du CES de psychiatrie (CHU de Lyon), avril-mai, 1981.

но ради того, чтобы считать себя кастрированной, каковой она, бедняжка, конечно, не является, по крайней мере, что касается этого органа, потому что его у нее вообще нет. И пусть она нам не рассказывает, что у нее остался от него маленький кусочек, это ни к чему».

«...Это большая редкость, если что-то, что делается в университете, имеет какие-то последствия, потому что университет сделан для того, чтобы мысль никогда не имела последствий».

Франсуаза Дольто

Визит Франсуазы Дольто несколькими годами позже в Бург-ан-Брес обернулся скорее неудачей. Она рассказала нам милую, но совершенно неправдоподобную историю. Во время сеанса одна молодая женщина родом из Индии начала говорить на хиндустани, языке, на котором она никогда ранее не говорила и смысла слов не понимала. Франсуаза Дольто на слух записывает эту фразу, и — о! какая неожиданность — это был разговор между родителями пациентки, который она услышала в день своего появления на свет. Мадам Дольто поняла этот рассказ буквально, не думая, что на самом деле речь шла о ложном воспоминании или ловкой выдумке, ибо невозможно в этом возрасте запомнить речевой отрывок с такой точностью. Все же никто не осмелился противоречить такой душевной женщине, как Франсуаза Дольто, похожей на заботливую бабушку, раздающую деткам варенье. И все же мы почувствовали, что в тот день она слегка перегнула палку.

Бруно Беттельхейм

Визита Бруно Беттельхейма в 1975 году очень ждали. Его книга *«Пустая крепость»* имела большой успех у читателей, о ней сняли телепередачу. В фильме Франсуа Трюффо *«Карманные деньги»* (1976) мужественного вида учитель читает *«Пустую крепость»*, чтобы лучше понять детей. Сами пациенты, независимо от того, восторгались они им или ненавидели, знали Беттельхейма только по тем репликам, что остались у них в памяти. На тот момент Беттельхейму был 71 год. Он выражался на безукоризненном французском. В то время он не казался высокомерным. Он признался, что имел лишь диплом по истории искусств Венского университета, и просто в разговоре урывками рассказал о своей работе с детьми, страдающими аутизмом. Он не был признан как психоаналитик Международной психоаналитической ассоциацией. На нашу маленькую группу он произвел впечатление супервоспитателя. У меня в памяти сохранилось одно его замечание, не лишенное здравого смысла: «Лучший способ оценить психиатрическое заведение — это посетить его туалеты».

Доклад, с которым он выступил в университете, был очень последовательным. Однако его встретила вежливая, но твердая критика про-

фессора детской психиатрии Режи де Виллара. Он заметил Беттельхейму, что пациенты, которых тот лечил, не были аутистами и что его выводы не слишком объективны. На это последовал уклончивый ответ. Кстати говоря, Режи де Виллар предпринял поездку в Штаты к Лео Каннеру, который первым описал детский аутизм. По словам этого великого врача и исследователя, который в то время предпринимал первые попытки восстановления сенсорных функций у детей, действительно больных аутизмом, «крепость Беттельхейма была и в самом деле пустой». Бруно Беттельхейм продолжал свои семинары, но, к несчастью, однажды за обедом у профессора нейропсихиатрии Поля Жира с ним случился сердечный приступ. После нескольких дней постельного режима и эффективного лечения он уехал в США. Оглядываясь назад, я понимаю, что самым поразительным во всем этом было то, каким шармом обладали эти трое, ибо им удавалось, в конечном счете, заставить публику поверить в любую идею, будь она рискованной, ошибочной или неправдоподобной. Они обладали большим литературным талантом, силой убеждения, но велика была и вера в них зрителей. Большое значение имел также сильнейший, почти гипнотический эффект внушения, происходящий в силу колоссальной самоотдачи гостей, выступления которых фиксировались и во время семинаров, и в книгах, и передавали по телевидению.

Как и почему сбрасывается психоаналитическая ряса

Распространение психоаналитической доктрины осуществлялось методами, напоминающими те, которыми пользовался доктор Кнок из пьесы Жюль Ромэна: он укладывал в постель всех жителей деревни, заявляя, «что здоровый человек — это больной, который не подозревает, что болен». Мы все, будучи более или менее подвержены неврозам, рано или поздно должны были оказаться на кушетке в кабинете психоаналитика. Как и все, я заранее записался на сеанс психоанализа. Дидактическая квалификация моего психоаналитика позволила бы мне без особых трудностей проникнуть в лоно Парижского психоаналитического общества, подчиненного Международной психоаналитической ассоциации. Срок ожидания составлял от двух до трех лет, но лучше было сразу метить высоко. Я сделал что называется первую рекогносцировку на местности, посетив в Париже трех психоаналитиков, которые в некотором смысле могли дать «зеленый свет». Благодаря психоанализу я ожидал получить некоторые откровения о самом себе, а также улучшить способности в области терапии. Я проходил анализ с 1972 по 1976 год, в то самое время, когда психоанализ был на подъеме во Франции — в университетах, больницах, медиа и издательствах. Почти каждую неделю выходила новая книга, что позволяло мне занимать всё мое время чтением. Чтение сопровождалось приливом веры, и закономерно было думать, что благодаря психоанализу будут внесены значительные преобразования в пси-

хологическую и психиатрическую практики: поэтому надо было вкладывать силы в понимание как текстов, так и самого себя, лежа на кушетке в кабинете психоаналитика. И всё же постепенно я стал утрачивать веру. Веру нельзя потерять, как зонтик. Это был длительный процесс, в котором внешние события оказались важнее того, что говорилось или умалчивалось во время сеанса. Прежде всего по прошествии одного года я обнаружил, что сделал обзор всех своих потенциальных проблем и теперь явно топтался на месте. Но не это было главным. В течение трех последующих лет в Лионе среди членов небольшого сообщества анализантов появились случаи психотической декомпенсации и прокатилась волна самоубийств: две молодые студентки внезапно покончили с собой, у другой молодой женщины был приступ острого бреда, еще один студент совершил серьезную попытку самоубийства, и, наконец, один молодой коллега, посещавший сеансы психоанализа у Жака Лакана в Париже, покончил с собой. Реакции вокруг шокировали меня еще больше, чем сами происшествия. В комментариях слышалось скорее разочарование не в психоанализе, а в самих самоубийцах: «Несомненно, они были психически больны», хотя ничто на это не указывало. Даже это замещение симптомов не позволило поставить под сомнение сам метод. Оно не заставило задуматься о том, что другие терапевтические методы смогли бы помочь лучше. Короче говоря, разговоры переводились на другие темы, и вообще лучше было об этом не говорить, потому что затрагивались личные дела, о которых можно говорить только в кабинете психоаналитика. Более того, нельзя было задевать метод, так как мы находились на «островке психоаналитического сознания», окруженные со всех сторон врагами. Однако обычной практикой были «психологические вскрытия», проводимые для того, чтобы понять процессы, которые привели к самоубийству, и улучшить превентивные методы. Я не знаю, была ли собрана закрытая группа психоаналитиков, чтобы заняться этим вопросом. Ведь в случае авиакатастрофы даже самые циничные авиакомпании практикуют «стратегию надгробного камня», то есть стараются усовершенствовать систему безопасности на основании результатов расследования. Разумеется, было бы преувеличением возлагать всю полноту ответственности за эти преждевременные смерти на психоанализ: известно, что, в целом, группа психоаналитиков — это группа риска. Многие соратники Фрейда покончили жизнь самоубийством. Однако мне не известно о проведении какого-либо серьезного эпидемиологического исследования этого дела, которое бы могло дать избежать повторения подобной беды. Так же достоверно известно, что даже у первоначально совершенно здоровых людей психоанализ вызывает фазы депрессии, связанные с фрустрацией, умалчиванием и развитием явлений трансфера, что приводит к тому, что анализант ведет себя все менее рационально. Поэтому он становится более уязвимым перед лицом жизненных событий, которые раньше перенес бы более стойко. Для некоторых психоаналитиков депрессия является даже необходимым этапом

для благоприятного протекания лечения, ибо она ведет к психологическому созреванию. Однако никто не предупреждает будущего анализанта о возможном риске. Проанализировав эти самоубийства, я, по крайней мере, смог прийти к предварительному заключению о том, что психоанализ не является особенно эффективным методом для предупреждения возникновения депрессии. Другая гипотеза возникла у меня годы спустя. В 90-х годах XX века, когда я был заведующим отделением терапии тревожных состояний, одна студентка-интерн, которая с некоторых пор проходила сеансы психоанализа, стала подавать явные признаки депрессии и поделилась со мной навязчивыми идеями о своей вине. Обсудив это дело с другим заведующим, я предложил ей пройти частную консультацию у фармаколога. Тот выписал антидепрессант, после которого последовало заметное улучшение. Однако она хотела лечиться только психоанализом и больше ничем. Я посоветовал ей поменять психоаналитика, что она и сделала. Но, попав в зависимость от своего переноса, она вернулась к первому психоаналитику, который посоветовал ей параллельно посещать терапевтическую группу, которую вел, что являлось не очень распространенной практикой. Она решила прекратить принимать свой антидепрессант и продолжать психотерапию. Вскоре она покончила с собой. Все произошло так, как если бы она скорее предпочла убить себя, чем убить теорию своего психоаналитика, перейдя к другой форме лечения и другому специалисту. Но сомнения во мне зародили и другие события. После моей поездки в Квебек я обнаружил, что существуют другие формы психотерапии и что они дают интересные результаты. Многочисленные визиты в отделение Пьера Пишо в больнице Св. Анны дали мне возможность ознакомиться с формами поведенческой терапии, которые преподавались Мелиной Агатон. В то время я применял смешанный метод, в зависимости от ситуации выбирая аналитическую или поведенческую терапию. Мне даже пришлось однажды, вследствие того, что у одного из моих пациентов, к которому я применял аналитическую терапию, произошло ухудшение, за которым последовали две попытки медикаментозного суицида, немедленно перейти к поведенческой терапии, которая со временем доказала свою эффективность. Пациент справедливо заметил, что следовало бы сразу начинать со второго метода, так как первый только усугублял его депрессию. Мой руководитель Жан Гиота также поощрял меня в применении поведенческой терапии. В частных разговорах он высказывал серьезные сомнения относительно эффективности психоанализа, хотя сам был психоаналитиком. Не испытывая особого доверия, я совершил вторую «рекогносцировку» у трех психоаналитиков, чтобы попасть на контролируемые сеансы. Была принята к сведению моя значительная работа над собой, и мне посоветовали продолжать ее, а также вернуться через некоторое время после очищения. Я проходил психоанализ еще полтора года, затем принял решение положить конец ритуалу, ставшему бессмысленным. Я объявил о своем решении своему аналитику, объясняя ему,

что тем самым увеличу свои доходы за счет денег, которые я платил ему каждый месяц. Его ответ, произнесенный вялым тоном, был таким: «Ну если Вы это так воспринимаете...». По крайней мере, мы договорились.

Венские тени

Проведя четыре с половиной года на кушетке, могу сказать о смертельной скуке, которую вызывало во мне то притворство, с которым психоаналитик и анализант снова и снова открывали теории Фрейда, заранее известные обоим. Психоанализ превращается в сценарий жизни, постоянно упирающийся в стену нескончаемых повторений и подтверждений одного и того же неизменного текста. Со временем сценарий может стать философским убеждением, проявляющимся в использовании особого тайного языка, знаком причастности к некоему одному грандиозному делу. Чтение книг, ежедневные разговоры в отделении психоанализа и культурная атмосфера участвуют в формировании подобной системы взглядов. Порвать с психоанализом — значит порвать с дискурсом, который, предварительно укоренив свои схемы в памяти, постепенно пропитывает мысли и действия и управляет ими. Необходим год или два, чтобы окончательно от него освободиться и вновь обрести свободу мысли. Если поиски себя — это поиски Фрейда, то можно наведаться и к нему. В Вене часто проходят конгрессы, но редко интересные. Гуляя по городу, можно дойти до Бергштрассе, 19, где жил Фрейд и где теперь находится его музей. Посетителя там хорошо принимают. На месте кушетки Учителя красуется ее фотография в натуральную величину. Сентябрь в Вене одевает старые фасады особым шармом, а трамвайный хоровод на Рингштрассе позволяет очутиться вне времени. Всякий раз, когда я возвращаюсь в Вену, я почти больше не думаю о Фрейде и еще меньше о том времени, которое провел на кушетке; об этом у меня остались очень смутные воспоминания. В моей голове звучит музыка Альбана Берга: нисходящие хроматизмы в конце концерта для скрипки и оркестра *Памяти ангела*. Или *Abendstern* Шуберта. Музыка города живет дольше его слов.

«Время презрения»

Почувшись у Исаака Маркса в Лондоне в 1976 году и у Роберта Либермана в Лос-Анджелесе в 1977 году, я подготовился к практике в поведенческой и когнитивной терапии, сначала давая консультации по поведенческой терапии, затем работая психиатром в отделении лечения тревожных состояний в Лионской неврологической больнице. В 1979 году я опубликовал первую книгу на французском языке о видах КПТ «Когнитивно-поведенческие терапии, стратегии изменения»⁶. В ней я позволил себе с некоторой юношеской дерзостью отозваться об эффективности

⁶ Les thérapies comportementales, stratégies du changement. — Paris: Masson, 1979.

психоанализа и его производных. Я был удостоен чести, без которой прекрасно обошелся бы, а именно: во «*Французском психоаналитическом журнале*» была размещена критическая статья на мою книгу профессора детской психиатрии в Лионе Жака Ошмана⁷. Этот текст призывал к порядку и указывал, где истина и верная дорога. Заканчивался он так:

Несомненно, каждый психоаналитик хоть раз сталкивался с пациентами, которые оставляли впечатление абсолютно непроницаемых, неспособных сообщить сведения, поддающиеся интерпретации, и производить ассоциации; которые впадали в ступор или начинали невыносимо страдать, как только им нужно было выставлять свои мысли на обозрение специалиста, целью которого являлось понимание их психического аппарата. Размежевания нозографии в психиатрии и психоанализе не позволяют выделить этих «не-анализабельных» пациентов в отдельную группу. Своей оперативной памятью они сходны с психосоматическими больными, гиперреализм сближает их с шизофрениками, неспособность фантазировать придает им сходство с некоторыми депрессивными больными. В качестве временной категории, к которой их можно было бы отнести, я предложил бы глупость, которая, с медицинской точки зрения, никак не связана с уровнем их интеллектуальных способностей в обыденной жизни. При невозможности реализовать мечту Фрейда о сплаве золота и меди, не следует ли предусмотреть глупую терапию для глупцов, я бы даже сказал, «оглупляющую» терапию, освобождающую людей от необходимости думать. Бихевиоризму следовало бы поставить в заслугу искренность, он показал истинное лицо того, что другие более или менее кодифицированные подходы скрывают под маской гуманизма или человечности, если не просто фармакологии.

Трудно придумать что-то более презрительное по отношению к пациентам, которые почему-то не хотят улучшения или чье состояние в процессе психоанализа ухудшается, а заодно и к коллегам, которые осмеливаются думать по-другому. С самого начала истории психоанализа стоило только на горизонте какого-нибудь психотерапевта появиться сопернику, сразу пышно расцветало подобное «творчество». В 2004 году, после публикации доклада INSERM об эффективности психотерапии подобные критики появились вновь, однако они были очень осторожны в своих выводах и тон их был гораздо более сдержанным.

К счастью, не все были такими высокомерными. В 1981 году я с легкостью получил разрешение на организацию образовательного учреждения с университетским дипломом по поведенческой и когнитивной терапии. Декан Ж.-П. Ревийар уладил вопрос за полчаса, одобрил мой план и пожелал мне успеха. Проект был охотно принят универси-

⁷ Hochmann J. Aspects d'un scientisme: les thérapies comportementales // Revue française de psychanalyse. — 1980. — № 3–4.

тетским советом, в котором не было ни одного психиатра. Сегодня эта межуниверситетская программа, длительностью 3 года, принимает каждый год по сто двадцать студентов разных национальностей и уже выпустила тысячу человек.

По ту сторону конфликтов?

Презрение и насмешки по отношению к другим подходам к лечению душевных болезней ничем не помогли психотерапевтам. От этого проиграли все. Прежде всего пациенты. Эффективное применение психотерапии во Франции началось со значительным опозданием, которым объясняется неблагоприятная статистика заболеваемости и чрезмерное употребление психотропных медикаментов. Вследствие того, что многие психотерапевты не занимались исследовательской деятельностью, они не смогли обеспечить нашей стране достойное место среди других: Франция занимает двадцатую строчку по объему публикаций в сфере психоанализа. Существующая незыблемая система опротивела многим исследователям, и они предпочли Франции Канаду или США. А пациенты стали менее терпеливыми, но намного более информированными: сегодня все научные знания доступны в реальном времени в сети. Психоаналитики, хотя все еще очень многочисленные и влиятельные, понесли значительные потери. Им верят все меньше, и даже благосклонные к ним медиа осмеливаются об этом говорить. Им стоило бы поменять свои идеи и практики, как это уже сделали их англосаксонские коллеги.

Терапевты бихевиористы и когнитивисты потратили много времени и сил. Будучи в меньшинстве, они вынуждены были сталкиваться с остракизмом находящихся на пике славы психоаналитиков. Но это не поколебало их уверенности в правоте, к тому же они опирались на научные данные, хотя и спорные, как и все научные данные, но более надежные, чем всезнающая теория. В особенности, если эта теория основана в конечном счете лишь на пожизненной зависимости страдающих людей и на харизматическом влиянии, которое затронуло все слои французской интеллигенции за более чем тридцатилетний отрезок времени. Психоанализ, безусловно, способствовал эволюции психиатрии на пути к гуманизму в 1950–1960-х годах. Но вот уже много лет он больше не отвечает потребностям современной Франции. Психоаналитики сами признают свое поражение в докладе Международной психоаналитической ассоциации⁸. В докладе INSERM⁹ об эффективности психотерапии, в составлении которого я принимал участие, еще раз подчеркивалось важное значение поведенческой и когнитивной тера-

⁸ Fonagy P. et al. An open door review of outcome studies in psychoanalysis. — 2002; www.ipa.org.uk (далее: research).

⁹ INSERM. Psychothérapie...

пии. Этот доклад, подвергшийся затем жесткой критике, пришел почти к тем же выводам, что и доклады на ту же тему, сделанные в других странах, в частности доклад ВОЗ в 1993 году¹⁰ и отчет Департамента здравоохранения Великобритании в 2001¹¹.

Психоаналитическая цензура доклада INSERM

Я как раз был поглощен этими размышлениями, когда раздался звонок, и журналистка из «*Le Monde*» сообщила мне сногшибательную новость. Накануне, 5 февраля 2005 года, на собрании в рамках «форума психоаналитиков» под председательством Жака-Алена Миллера и в присутствии всего лаканистского бомонда, министр здравоохранения Филипп Дуст-Блази наложил цензуру на доклад INSERM. Он объявил, что удаляет его с сайта Министерства здравоохранения и «чтоб о нем больше не слышали». Министр вызвал триумф. Шокированы были и ассоциации пациентов, в частности UNAFAM и FNAPSY, запросившие доклад. Министр поставил в неловкое положение генеральное управление здравоохранения, которое заказало его и одобрило его выводы годом раньше. Министр обвинял INSERM, который осуществил его на деньги налогоплательщиков. Вместе со своими друзьями по перу я осуществил мечту каждого французского интеллектуала: написать книгу, запрещенную министром правого крыла. Оказавшись в одной компании с Флобером, Бодлером, Веркором и Анри Аллем¹², которым была уготована та же участь, только при гораздо более драматических обстоятельствах, мы могли гордиться собой. Я даже хотел было поблагодарить министра за заботу, потому что благодаря ему наш скромный доклад достиг своего истинного получателя: публики, которая всегда знала, что из книг, которые прячут, можно узнать очень многое. Реакция медиа не заставила себя ждать¹³. Задавались вопросы о непостоянстве министра, ставились под сомнение его научные убеждения. И в самом деле, он оспорил не только результат работы своих собственных служб, но и результаты исследований по этому вопросу, которые проводились по всему миру. Более того, демократический дух оказался под угрозой, поскольку

¹⁰ Sartorius N., De Girolamo G., Andrews G. et al. Treatment of mental disorders. A review of effectiveness. — Washington, WHO, American Psychiatric Press, 1993.

¹¹ Treatment choice in psychological therapies and counselling. Evidence based practice guideline. — London: Department of Health, février 2001; www.doh.gov.uk/mentalhealth/treatmentguideline.

¹² Henry Alleg (род. 1921), франко-алжирский журналист, коммунист, борец за освобождение Алжира. Книга «Вопрос», рассказавшая о применении французской армией пыток, написанная тайно в тюрьме, была запрещена сразу после публикации издательством Minuit в 1958 г. и через две недели вышла в Швейцарии. Был вторично осужден за антигосударственную деятельность, бежал из тюрьмы и скрывался в Чехословакии. Вернулся во Францию в 1962 г. — Прим. перев.

¹³ Blanchard S. L'INSERM choqué // *Le Monde*. — 2005. — 10. II.

ку министр решал, что́ французы должны или не должны были читать и о чем говорить. Триумф министра длился недолго. Вся триумфальная идеология в конце концов сталкивается с реальностью, которая однажды рассеивает ее иллюзии. Посланники этой реальности — это «борцы сопротивления», научившиеся выживать в трудных условиях, которыми они не могли управлять. Но если однажды выжившие станут, в свою очередь, учителями, пусть они не слишком впадают в триумфальный тон. Я считаю, что лучше собранно и терпеливо работать над расстройствами, которые мы знаем неплохо, но всё еще недостаточно. И лучше, чтобы эта работа осуществлялась с помощью современных научных методов и учитывала психологические факторы, связанные с персональной историей, биологией и социальным окружением, побочные эффекты которых можно наблюдать ежедневно. Для этого развития нужны люди доброй воли, и немало.

Куда подевались «триумфы психоанализа»? И были ли они на самом деле? В античности, когда римский генерал одерживал крупную победу, Сенат и народ Рима готовили торжества к его возвращению в город. Победоносный генерал двигался во главе парада, но в двух шагах позади от него шел раб и непрестанно повторял: «Слава преходяща».

Перевод Людмилы Фирсовой